

1. Нин-гэ, не бойтесь

— Нин-гэ, не бойтесь, я не сделаю вам больно.

Мягкий голос звучал у самого уха, полный неотразимого соблазна, а тёплое дыхание щекастило миниатюрную мочку уха, отчего по всему телу пробежали щекотные мурашки.

Гу Нина толкнули на большую кровать, и он полностью утратил способность мыслить — в голове зияла абсолютная пустота, оставалось лишь тяжело и непрерывно дышать.

Чэн Сюй смотрел на него с нежной улыбкой. Восхитительное сияние ночника, окружавшее его со всех сторон, и яркие звёзды за окном не шли ни в какое сравнение даже с малой толикой красоты этого лица.

До чего же он хорош, Гу Нина вновь охватило невольное восхищение.

Это была первая интимная близость Гу Нина с мужчиной после перерождения; ему вовсе не хотелось выглядеть таким глупцом, но тело наотрез отказывалось ему подчиняться.

В душе он яростно протестовал, однако на деле всё выглядело иначе: со слезами на глазах он послушно кивал, покусывая губы белыми зубками, и походил на покорную белую крольчиху, отданную на заклятие.

Телефон на столике некстати и бешено зазвонил.

Изначально Чэн Сюй не хотел обращать на него внимания, но на экране высветилось имя его лучшего друга Сюй Яна, так что в этот решающий момент ему пришлось прерваться, чтобы ответить на звонок.

Воспользовавшись заминкой, Гу Нин кое-как сбежал с кровати, кубарем скатился вниз и бросился бежать.

Нежная улыбка на лице Чэн Сюя мгновенно испарилась. Смахнув пальцем экран для ответа, он холодно бросил в трубку:

— Какого чёрта ты названиваешь среди ночи?

Судя по звуку, на том конце провода явно ощущали эту яростную бурю, но лишь рассмеялись ещё веселее:

— Что такое, молодой господин? Ты что, до сих пор не охмурил своего домашнего работника? Ц-ц-ц, не ожидал, что гроза любовных фронтов столкнётся с кем-то, кого не в силах покорить!

— Заткни свою пасть! — от этих слов лицо Чэн Сюя почернело. — Если бы не твой звонок, я бы уже всё закончил, оставалось буквально чуть-чуть!

— What? Моя вина, что ли? — на том конце на мгновение замолкли. — Однако, должен сказать, молодой господин, неужели твоих талантов не хватит на какого-то жалконького работника? Осталось два дня из пяти, а если не справишься — одолжишь свою тачку брату на пару лет погонять.

Пару лет? Вот же наглец!

Эта машина была лимитированной глобальной версией, её подарил старик на день рождения.

Тогда ему пришлось изрядно попотеть, выпрашивая у отца по-настоящему громкий подарок. Старик хоть и располагал средствами, дураком не был и прекрасно понимал, что мальчишек следует воспитывать в строгой бережливости.

Вот только в Клане Чэн не испытывали нехватки в деньгах, так что, раз сынок попросил, отец с недовольным видом всё же раскошелился.

— Да что уж там, мог бы просто предложить забрать её себе! — хмыкнул Чэн Сюй. — Мало того, что я добьюсь своего, он ещё и полюбит меня до безумия! И учти: если пари проиграешь, познакомишь меня со своим двоюродным братцем.

У Сюй Яна был кузен по имени Сюй Чжаовэнь — с детским личиком, белокожий и нежный, до боли похожий на жалостливого белого крольчика. Чэн Сюй совершенно не умел противостоять подобному амплу; это было его излюбленное лакомство, ему безумно нравилось тиранить пушистиков, доводить их до слез, а потом утешать.

Природа брала своё, ничего не поделаешь.

В ответ из трубки послышался плевков. Сюй Ян вдруг отчётливо почувствовал, что сам же и вырыл себе яму, в которую теперь угодил!

— Ладно, в накладе не останешься. Лишь бы твой братец остался со мной, тогда и тачку не жалко отдать, — с лукавой усмешкой произнёс Чэн Сюй. — И заодно помоги пробить, была ли у этого старого хрыча бурная личная жизнь. В нынешние времена кругом полно тех, кто с виду невинные пай-мальчики, а на деле — те ещё гулёны. Если этот старик окажется не девственником, меня же от него стошнит!

Старым хрычом, разумеется, именовался Гу Нин.

Не прошло и нескольких минут, как в мессенджере пришло голосовое сообщение:

— Эм-м, в общем, Чэн Сюй, сам взгляни на досье, я и сам не уверен, можно ли назвать это бурной личной жизнью.

2. Первый день, когда первозданная сила великого Гу запечатана, ознаменован сплошной нелепой наивностью

Гу Нин, мужчина, 23 года...

Все эти бесполезные сведения Чэн Сюй попросту проигнорировал. Проведя пальцем вниз, он внезапно обнаружил, что в период учёбы на втором курсе университета этот человек был отчислен по принуждению за нарушение внутренних правил. Графа личной истории зияла пустотой, красовалась лишь одна примечательная строчка: «В годы учебы в университете поддерживал хорошие отношения с соседом по комнате Сун Сымином».

Что до домашнего адреса — то был посёлок, о котором Чэн Сюй отродясь не слышал. Впрочем, эта деталь его не интересовала; ему лишь хотелось выяснить, не связывали ли Гу Нина с этим Сун Сымином какие-нибудь сомнительные отношения, не из-за них ли парня со скандалом отчислили из университета?

Поразмыслив, он решил, что вряд ли. Если дело обстояло так, почему отчислили только его, а

этот Сун Сымин преспокойно остался целым и невредимым, да к тому же уехал за границу на стажировку?

Выходило, что перед ним чистейший, невинный кролик, которого еще никто не трогал.

Последнее же обстоятельство, показавшееся Чэн Сюю крайне подозрительным, заключалось в том, что раздел личных связей тоже оказался совершенно пустым.

Ни один человек не рождается в отрыве от общества — если только информацию не скрыли намеренно, раз уж даже Сюй Ян, профессиональный взломщик баз данных, ничего не смог откопать.

При этой мысли он с досадой вздохнул: возможно, дело было в слишком узком круге общения, но если возникнет необходимость, придется повозиться и копнуть самому.

Что же до Гу Нина, тот прятался за дверью собственной комнаты, предаваясь изоляции.

До сих пор он никак не мог взять в толк: то ли его насмерть сбил грузовик и он переродился в этом теле, то ли всё это ему просто снится.

Еще страннее было то, что он совершенно не умел управлять собственным телом, особенно в том, что касалось контактов с мужчинами.

Стоило Чэн Сюю сказать ему пару ласковых слов и немного поухаживать, как в голове у Гу Нина тотчас застилалось туманом, и он послушно позволял с собой делать всё что угодно.

Промучившись так всю ночь, он попытался собрать по кусочкам обрывки чужих воспоминаний. Мало того что вспомнить толком ничего не удалось, так он еще и заснул, не удержавшись от тихого ругательства.

Поскольку на дворе стояла суббота, Чэн Сюй собирался завтракать дома.

На следующий день Гу Нина разбудил ранний звонок будильника.

По крайней мере, теперь он точно знал, что это не сон.

Не успев до конца разобраться в ситуации, ему оставалось лишь временно оставаться в этом доме. Поднявшись с постели, он, руководствуясь скудными воспоминаниями оригинала, послушно принялся готовить завтрак.

В прошлой жизни, стремясь прослыть идеальной белоснежной лотосицей без единой соринки в

репутации, он выучил кулинарное искусство, правила этикета, флористику, игру на пианино и даже пение с танцами — словом, владел восемнадцатью ремеслами на все руки, так что приготовление еды не составило для него труда.

Когда он проходил собеседование на ту работу, щедрый покровитель сразу обратил внимание на его простодушие и отсутствие дурных замыслов, а также на тихий, интеллигентный вид в круглых очках. К тому же природная бледность придавала ему особую чистоту, заставляя любого с первого взгляда почувствовать его невинность и захотеть забрать домой.

Чэн Сюй встал с постели, чтобы взять из холодильника молоко, и сквозь приоткрытую дверь увидел Гу Нина в белом круглом фартуке с кружевами, который мыл посуду на кухне. В столовой же уже были аккуратно расставлены дымящаяся жидкая каша и легкие закуски.

Он нахмурился: к китайским завтракам он совершенно не привык.

По правде говоря, до поступления в университет он всю жизнь жил и учился за границей, а по утрам обычно обходился овощным салатом, сэндвичами и молоком. Заставлять его так резко перестраиваться было и впрямь чересчур.

Закончив с делами, Гу Нина застыл столбом у входа в столовую. Заметив недовольство на лице Чэн Сюя, его тело автоматически приняло виноватый вид, не зная, как поступить. Встретившись взглядом с Чэн Сюем, он от испуга принялся теревить кружевную кромку фартука.

Этот жест выглядел донельзя мило, трогательно и чертовски соблазнительно.

Впрочем, Чэн Сюй не обратил на это внимания. Столкнувшись нос к носу с целым столом ненавистой еды, он едва сдержался, чтобы не опрокидывать всё к чертям.

— Братик Нин, это всё ты приготовил? Выглядит потрясающе аппетитно!

Главное — заполучить человека в свои руки, а пока придется потерпеть, — мысленно приказал себе он.

Черты лица Чэн Сюя не отличались мягкостью и доброжелательностью. Когда он не улыбался, от него исходила тяжелая, подавляющая аура, но стоило ему улыбнуться, как окружающим начинало казаться, будто за окном внезапно распустились весенние цветы.

Гу Нин на мгновение остолбенел, сраженный этим обаянием, и машинально кивнул.

Чэн Сюй увлек его за собой и усадил рядом завтракать.

Растерянный и простодушный мозг Гу Нина не поспевал за происходящим:

— Я лучше пойду поем на кухне...

— Ни за что. Братик Нин — тот, кого я люблю, а любимые люди должны всё делать вместе, — с нежной улыбкой произнес Чэн Сюй. Его актерское мастерство не уступало голливудским звездам — ни единый человек не смог бы распознать фальшь в тех словах, что слетали с его губ.

Глуповатый Гу Нин снова растерялся и лишь спустя долгое время осознал смысл сказанного. Он опустил голову, а щеки его вспыхнули до самых корней волос.

На самом деле он и сам не хотел вести себя подобным образом, но неведомо почему тело и душа совершенно не желали гармонизировать друг с другом! Тело неизменно отставало от души добрых на несколько десятков секунд.

— Братик Нин, а ты меня тоже любишь? — Чэн Сюй сделал глоток пресной каши, понял, что проглотить ее выше его сил, и в конце концов поставил пиалу на стол.

Гу Нин смущенно кивнул, нервно теребя пальцы.

Чэн Сюй, всюду ублажавший его последние три дня и видевший, что дело наконец идет к развязке, в отличном настроении притянул его в свои объятия:

— Раз любишь, так поцелуй меня.

С этими словами он слегка приподнял подбородок. Гу Нин словно зачарованный подался вперед и легко коснулся губами его щеки. Однако Чэн Сюй не собирался его отпускать: он обхватил его тонокую талию руками и резко развернул, впившись в него страстным поцелуем.

Пока он целовал, его руки тоже не сидели сложа руки — они забрались под одежду.

— Чэн Сюй... — неумело пытаюсь унять его блуждающие руки, простодушно позвал Гу Нин, а его чистые, похожие на кроличьи глаза были доверху наполнены влагой.

— Скоро станет легче, — Чэн Сюй поцеловал его в уголок глаза и, подхватив на руки, направился в спальню.

В этот момент Чэн Сюй вспомнил, что в эту квартиру он приехал ночевать впервые, и здесь не было толком никаких предметов обихода, не говоря уже о тех вещах, которые понадобятся прямо сейчас.

Делать было нечего, придется обойтись тем, что есть, но на этот раз отпускать его нельзя ни в коем случае, иначе он проиграет тот спор.

— Будет немного больно, братик Нин, потерпи немного. Когда ты станешь моим, мы сможем быть вместе вечно, — нежно улыбнулся он, нашептывая утешения. Его голос, словно

апрельский ветерок, ласкал слух и кружил Гу Нину голову.

— П-правда? — наивно-милый Гу Нин не совсем всё понимал. Подсознательно он считал, что вместе могут быть только мужчина и женщина, так как же двое мужчин могут быть вместе вечно?

Он думал об этом так серьезно, что его изящные брови нахмурились, а чистые большие глаза были полны недоумения.

Но этот человек перед ним ему нравился: стоило его увидеть, как на душе становилось радостно, а когда они расставались, сразу хотелось встретиться снова...

Гу Нин принадлежал к тем людям, у которых черты лица отличались особой утонченностью, волосы вились от природы, глаза были большими, кожа — белой, с легким намеком на детскую пухлость. Со стороны он действительно ничем не отличался от глупенького и милого белого кролика.

— Конечно, мужчины даже могут рожать детей. Наш малыш обязательно будет таким же милым, как ты, — говоря это, Чэн Сюй задрал его белую хлопковую пижаму.

Глупость человека, сидевшего перед ним, заставляла Чэн Сюя чувствовать себя так, будто он разговаривает с трехлетним ребенком, и его терпение таяло на глазах.

С брезгливостью подумав, что от общения с глупцами сам глупеешь, он стал действовать куда жестче.

— Т-ты женишься на мне? — в его мягком, нежном голоске слышались нотки плача. Его простодушный ум был способен лишь на самые простые мысли, и даже сейчас его волновало лишь одно: можно ли считать это обретением настоящей любви?

Такой, чтобы счастливо прожить всю жизнь.

Движения Чэн Сюя на мгновение замерли. В душе он презрительно усмехнулся, но на лице не дрогнул ни один мускул, и его красивые глаза изогнулись в улыбке:

— Конечно.

— Значит... если я не смогу рожать детей, ты меня бросишь?..

Он слышал только, что девочкам положено рожать детей, а вдруг у него не получится — что тогда делать?

Боясь оказаться брошенным, он почти умоляющим тоном задал этот вопрос.

— Даже если не сможешь, ты всё равно мне нужен, — раздраженно бросил Чэн Сюй, и его движения стали еще грубее.

Эта глупая крольчиха оказалась куда хлопотнее, чем он предполагал, к тому же до ужаса наивная — сплошная морока!

Вынужденная мягкость в голосе вовсе не шла от чистого сердца, а уж в постели о какой-либо нежности не могло быть и речи.

В конце концов, как бы жалобно ни ронял слезы Гу Нин, Чэн Сюй и не подумал его отпускать.

Получив свое, Чэн Сюй поднялся и направился в ванную. Чувство брезгливости из-за испачкавшей его крови было сильнее всего остального, и он даже не взглянул на человека, продолжавшего лежать пластом на кровати.

Проходя мимо спальни, он бросил взгляд на Гу Нина: тот уткнулся лицом в одеяло, его исхудавшее тело то и дело вздрагивало, и он всё еще тихонько всхлипывал, проливая слезы, выглядя при этом до жалости жалко.

Тогда он достал телефон и сфотографировал его в качестве доказательства своей победы.

Не сказав на прощание ни единого утешительного слова, Гу Нин услышал лишь глухой стук захлопнувшейся входной двери.

Спустя полминуты в квартире воцарилась абсолютная тишина, и Гу Нин наконец пришел в себя. Жгучая боль во всем теле заставила его скрипнуть зубами и зло выругаться:

— Подонок!

Но еще больше он ненавидел собственное тело: стоило кому-то сказать пару ласковых слов, как он тут же позволял вить из себя веревки.

Этот мужчина — просто его злой рок, чертовщина какая-то.

Он, Гу Нин, в прошлой жизни был недостижимым идеалом для бесчисленных воротил бизнес-империй, ради улыбки которого толстосумы ломали головы, не задумываясь швыряя к его ногам роскошные особняки и суперкары!

Кто бы мог подумать, что проклятая автокатастрофа оборвет его столь короткую и яркую жизнь! И мало того — его угораздило переродиться в это тело с вечно отключенным интеллектом. Чем он заслужил такое?

Ладно, терзать себя обидой бесполезно. Судя по его многолетнему опыту притворства белым лотосом в прошлой жизни, этот ублюдок вообще к нему не испытывает никаких чувств — просто мальчишка решил поиграть, заманив его в ловушку.

Но нельзя же позволять и дальше так с собой обращаться, иначе рано или поздно его действительно загоняют до смерти. Нужно срочно искать способ вернуть былое величие прошлой жизни!

Чэн Сюй как раз дошел до парковки и только собирался открыть дверцу машины, как его телефон зашелся в безумной вибрации. Он нажал кнопку ответа и услышал противный голос Сюй Яна:

— Великий господин, сегодня вечером нас ждет крупный улов, гарантирую, тебе будет интересно!

— Что? — без особого энтузиазма отозвался Чэн Сюй, запуская двигатель. Одной рукой он держал телефон, другой крутил руль. Ало-красный спорткар ограниченной серии в сочетании с его фальшиво-благопристойной физиономией заставил редких прохожих в этом элитном жилом районе то и дело оборачиваться.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида и чувствуя легкое раздражение, он перевел вызов на гарнитуру Bluetooth.

В душе он мечтал соблюдать конспирацию, а на деле просто боялся попасться на глаза деду. Старик держал всё в ежовых рукавицах и, несмотря на свою колоссальную занятость, каждый день выкроил бы время для звонка помощнику, чтобы узнать, чем занимался его послушный сынок.

Чэн Сюй всё еще числился студентом, и хотя он перепрыгнул через два курса, впереди его ждали новые степени, от которых пока было не отвертеться, так что приходилось послушно подчиняться отцу.

— Ты же хотел, чтобы я познакомил тебя с Сюй Чжаовэнем? Сегодня их киберспортивная команда играет здесь матч, приходи после игры на банкет!

Чэн Сюй с самого утра был раздражен, а сейчас, когда перевалило за девять, он еще даже не успел нормально позавтракать. Изнеженный молодой господин отродясь не терпел таких лишений, и в нем закипала злость. Услышав эти слова, он вскинул изящные брови, и в нем проснулся интерес:

— Отлично, выбирайте место, я угощаю.

Сюй Ян с радостью согласился обобщать его до нитки:

— Уговор в силе! И тачку свою мне оставь!

Чэн Сюй небрежно усмехнулся:

— Это уж как твой двоюродный братец себя покажет.

В трубке послышалось презрительное фырканье:

— Я жду тебя в кофейне возле их арены, давай быстрее!

Сбросив вызов, машина помчалась по дороге, и не прошло и десяти минут, как он был на месте.

Ярко-красный спорткар выглядел у входа в кофейню невероятно чужеродно. Когда Чэн Сюй вышел из машины, даже охранник растерянно моргнул — такая шпана, а уже на такой тачке гоняет!

Войдя в заведение, Сюй Ян тут же замахал ему из-за столика у окна:

— Сюда!

Стоило Чэн Сюю сесть, как его брови сошлись на переносице: местечко выглядело настолько убого, что вряд ли здесь нашлось бы хоть что-то съедобное, поэтому ему пришлось подзывать официанта и заказывать несколько западных десертов, чтобы хоть как-то заморить червячка.

— Эй, ты что, с голодного края? — Сюй Ян и сам прекрасно знал, что выбрать здесь особо нечего, но заказывать столько...

При упоминании об этом в груди Чэн Сюя снова закипело:

— Эта тупая домработница наготовила целый стол китайской еды, терпеть ее не могу!

<http://bllate.org/book/22274/2331837>